

ГЛАВА 35. ГОРЕЧЬ ПРОШЛОГО ЗАКАЛЯЕТ ЯДОВИТОЕ СЕРДЦЕ

К тому моменту, как Цинь Вань занял своё место в экипаже, его повозка оказалась в самом хвосте колонны. Впереди, разумеется, следовал роскошный выезд Янь Муяня, за ним — кареты старших учеников великих школ, отправившихся на поиски сокровищ. Где-то среди них затерялись Янь Нанью и Те Сюань. Замыкали шествие повозки с рядовыми адептами.

Пока Цинь Вань суетился, отдавая распоряжения, он не замечал усталости, но теперь, оказавшись в одиночестве, почувствовал, как его захлестнула необъяснимая тревога.

В экипаже Янь Муяня была Яоцзи. С Янь Нанью, хоть он и лишился общества Янь Цина, ехал Те Сюань. Цинь Вань же остался один. Впрочем, удивляться не приходилось: Цянь Линь был мертв, доверенных людей у главы Яня стало меньше, и каждый в лагере верил, что теперь-то молодой господин Цинь станет правой рукой Муяня. Окружающие смотрели на него с нарастающим трепетом.

Лишь сам Цинь Вань знал правду: в глазах Янь Муяня он по-прежнему оставался не более чем верным псом.

Острое чувство одиночества полоснуло по сердцу, и мысли его, ведомые этой горечью, вновь обратились к матери.

Мать Цинь Ваня была женщиной кроткой и нежной. Она выросла в семье среднего достатка, но, ослеплённая мечтами о возвышенной любви, вышла замуж за бедного студента. Отец Цинь Ваня был слаб здоровьем; после свадьбы он не мог обеспечить семью тяжелым трудом и перебивался продажей своих каллиграфических свитков и рисунков.

Мать ни разу не попрекнула его. Отрезанная от родительского дома, лишившаяся поддержки родни, она бралась за любую работу: шила, вышивала, тратила последние крохи из своего скромного приданого, лишь бы в доме был достаток. Они жили бедно, но в согласии, и соседи, глядя на их любовь, лишь завистливо вздыхали.

Когда родился Цинь Вань, стало совсем туго — в доме появился лишний рот. Пока была жива бабушка мальчика по материнской линии, она тайком подбрасывала дочери денег, но после её смерти наследство разделили братья и сёстры, и этот последний источник помощи иссяк.

Мать Цинь Ваня верила: нужно лишь стиснуть зубы и перетерпеть, и тогда придут лучшие времена. Она не знала, что настоящая беда уже стучится в двери.

Отец Цинь Ваня, хоть и был болезненным книжником, обладал на редкость благородной и притягательной внешностью. Статный, красивый, с изысканными манерами — именно в этот облик когда-то влюбилась его будущая жена, свято веря, что однажды имя её мужа окажется в списках лучших выпускников императорских экзаменов. Ради этой мечты она пошла против воли семьи.

Вскоре после рождения сына в империи установилась новая власть, и была объявлена внеочередная кэцзюй для поиска талантов. Книжник понимал, что его заработок от продажи картин — капля в море по сравнению с кровавым потом жены, проливаемым над вышивкой. Собравшись с духом, он заложил единственную ценную вещь, что у него осталась — родовую нефритовую подвеску. В ломбарде он долго умолял хозяина придержать вещь, клянясь, что выкупит её, но тот лишь равнодушно смотрел мимо него.

Перед отъездом книжник обещал своей нежной жене: он обязательно сдаст экзамены, получит чин и заберет её в столицу, чтобы она жила в роскоши и неге.

Ту ночь они провели вместе, и даже ивы за окном, казалось, стыдливо склонились перед их страстью.

После отъезда мужа молодая женщина осталась одна с младенцем на руках. Жизнь была полна лишений. Местные гуляки, польстившись на её красоту, то и дело пытались её задеть, но она держалась с достоинством. К добрым людям была приветлива, а нахалов обрывала холодным и резким словом.

Нашлись и те, кто решил взять её силой. Один местный задира, знавший пару приемов кунг-фу, прокрался к ней в дом ночью. Он рассчитывал, что слабая женщина, онемев от страха, позволит делать с собой что угодно. Но мать Цинь Ваня не дрогнула. Она молча достала из-под подушки тяжелые портновские ножницы и без тени сомнения вырезала кусок плоти из плеча негодяя. Тот, не смея поднять шум, с позором сбежал. Женщина же сделала вид, что ничего не произошло, и не стала разоблачать ночного гостя, чем заставила того сгорать от стыда и навсегда забыть дорогу к её дому.

Со временем она заслужила уважение всей округи. Немногие решались обидеть женщину, хранившую столь преданную верность. Почти каждый день её видели у развилки, ведущей к главному тракту: в простых одеждах, но удивительно красивая, она стояла, прижимая к себе ребенка, и до боли в глазах всматривалась в сторону далекой столицы.

Прошел год. Сроки экзаменов давно миновали, но от мужа не было ни весточки.

Соседи, жалея её, советовали оставить пустые надежды и выйти замуж повторно. Столичная

роскошь, говорили они, способна вскружить голову любому. Книжник, может, и был хорошим человеком, но кто поручится, что его не заметила дочь какого-нибудь важного сановника и не сделала своим зятем? О таких историях в народе и песни пели, и пьесы ставили. Мало ли на свете предателей?

Мать Цинь Ваня не слушала. Она ждала. Прошло еще три года.

И вот в деревню вернулся торговец вразнос, который когда-то отправился в путь вместе с её мужем. Вдвоём они делили тяготы дороги до самой столицы. Теперь торговец вернулся, но книжника с ним не было.

Любопытные соседи тут же обступили его, спрашивая: неужто их земляк разбогател в столице и застыдился жены-крестьянки?

Торговец затянулся трубкой, выпустил облако седого дыма и с тяжелым вздохом начал свой рассказ.

До столицы они добрались с большим трудом. Поскольку империя благоволила ученым мужам, книжнику выделили место в казенной гостинице. Торговец же, не имея грамот, отправился искать приюта в купеческой гильдии.

Поначалу они виделись часто, делясь новостями. Но чем ближе были экзамены, тем реже торговец беспокоил друга, знавшего, что тот проводит ночи за книгами.

За несколько дней до решающего испытания торговец решил навестить товарища и принес ему курицу. Но в гостинице ему ответили, что книжника здесь больше нет — его таланты заметил сам господин премьер-министр и пригласил погостить в свою резиденцию.

Торговец почуял неладное, но, не раздумывая долго, отправился в Резиденцию премьер-министра.

Его, разумеется, и на порог не пустили. Резиденция премьер-министра — не проходной двор. Торговец, не желая отступать, твердил, что ищет господина Циня, который пользуется расположением хозяина. Слуги лишь расхохотались ему в лицо:

— Какого ещё Циня? Наш господин обожает красивых мальчиков. В задних покоях этих «господ» — пруд пруди: и Ли, и Баи, и Цини... Недавно как раз привезли одного писаного красавца-книжника. Каждую ночь такие стоны стоят, что птицы на ветках не удерживаются!

Торговец хоть и не был ученым, но пожил достаточно, чтобы понять, о чём речь. В голове у него помутилось: он не мог поверить, что такой благородный человек, как его друг,

добровольно пошел на подобный позор.

Раз за разом торговец возвращался к черному входу резиденции, пытаясь разговорить слуг. Наконец, один из конюхов, за пару монет и из чистого сочувствия, открыл ему правду.

Оказалось, книжник блеснул талантом на поэтическом состязании, чем вызвал зависть недоброжелателей. Те намеренно представили его премьер-министру, зная о его пагубных пристрастиях.

Премьер-министр обладал безграничной властью. Его сестра была императрицей, его клан держал в руках армию. Сам он, несмотря на молодость и красоту, отличался нравом диким и необузданным. Его единственной слабостью были мужчины. Император, пока дело не касалось государственных интересов, смотрел на причуды родственника сквозь пальцы.

Отец Цинь Ваня был изумительно хорош собой, а его хрупкость лишь разжигала аппетит тирана. Запертый в золотой клетке, книжник таял на глазах. Экзамены были на носу, но его не выпускали.

Торговец метался, не зная, как помочь простому человеку против вельможи. А вскоре пришла новая беда.

Слухи о том, что премьер-министр держит у себя ученого, поползли по городу. Политиков это возмутило, в резиденции ввели строгий караул. Торговец дежурил на улице сутками, пока снова не встретил того самого слугу.

Тот лишь покачал головой:

— У твоего родича слишком твердый лоб. Даже сестра премьер-министра приезжала, просила отпустить беднягу, но тот ни в какую. Клялся, что даже пост бросит, если книжник ему покорится. Представляешь, как его зацепило?

Торговец не знал, куда деться от стыда. Неужто его друг так вскружил голову владыке?

— Да только книжник твой — дурак, — продолжал слуга. — Что ему терять, раз уже обещен? Смирился бы, пожил в роскоши, пока господину не надоест. Глядишь, и жене в деревню денег бы послал. А он всё брыкался, всё на рожон лез... Терпение господина лопнуло. Он велел вытащить его на глаза всей челяди и... в общем, живого места на нём не оставили. Сейчас вон, выкинули за ворота какдохлую кошку.

Торговец, бросив товар, бросился к парадным воротам. В десяти шагах от входа в пыли лежал человек. Одежда на нем была в лохмотьях, нижнего белья не было — лишь изодранная верхняя куртка прикрывала тело. Ноги были босы и неестественно разведены. На пугающе бледной коже запеклась темная кровь. Было видно, что он лежит здесь давно.

Рядом кружила бродячая собака, облизывая его израненные голени. Торговец отогнал её камнем.

С трудом доставив друга в свое жилище, он отдал последние сбережения старому лекарю. Тот, едва взглянув на раны, только горестно зацокал языком. Торговец тоже заглянул... и едва сдержал крик. Тело было превращено в кровавое месиво. Ноги бедняги застыли в жутком положении, они не сводились вместе — внутри что-то было.

Торговец выскочил на улицу и его долго рвало.

Лекарь сделал всё, что мог. С невероятным трудом он извлек из тела несчастного тяжелое пресс-папье с кирином. Вздохнув о чужой жестокости, старик даже не взял денег. Он выписал три рецепта, собрал саквояж и ушел, бросив на прощание: «Не жилец».

Книжник бредил, обливаясь холодным потом. Сознание покидало его. Он не дожил даже до первой чаши отвара.

Торговец похоронил его на пустыре за городом, поставив простую дощечку вместо памятника.

Но стоило ему закопать тело, как его схватили люди премьер-министра. Вельможа лично явился на допрос. Он и впрямь был красив как божество, но лицо его искажала такая ярость, что кровь стыла в жилах.

Премьер-министр, не слушая объяснений, сбил торговца с ног и потребовал сказать, где книжник.

Торговец поначалу молчал, боясь, что даже мертвому другу не дадут покоя. Но после первых же ударов не выдержал и указал место.

То, что произошло дальше, лишило торговца дара речи. Премьер-министр приказал разрыть могилу. Увидев изуродованное тело на грубой циновке, этот властный человек прижал покойника к груди и зарыдал в голос.

Казалось, в нем проснулись остатки чувств. Но стоило ему поднять голову, как горе сменилось безумием. Он обвинил торговца в том, что тот плохо заботился о друге и нашел плохих врачей. По знаку господина торговца бросили в темницу, где он провел три долгих года.

Лишь спустя три года премьер-министр, словно очнувшись, велел выпустить его и выдал в качестве «компенсации» десять золотых слитков.

Закончив рассказ, торговец достал из узла золото и протянул матери Цинь Ваня. Она не могла поверить, что муж мертв уже три года, и что могила его затеряна на чужбине. Женщина рухнула без чувств.

Придя в себя, она словно состарилась на десять лет. Она смотрела на золотые слитки — цену жизни своего мужа — и на маленького сына. В её глазах не было слез.

Она закопала золото в землю и продолжила жить в нищете, воспитывая сына. Каждый раз, когда ей хотелось потратить хоть монету, чтобы облегчить их жизнь, она вспоминала о растерзанном теле мужа. Сердце её наполнилось великой, черной ненавистью. Она поклялась: её сын вырастет и отомстит за отца.

Цинь Вань рос, постепенно узнавая правду. Он всем сердцем возненавидел знатных господ с их гнусными пристрастиями. В отличие от отца, он с детства был остёр на язык и крайне недоверчив. Случайно найдя старую книгу с упражнениями, он начал тренироваться — просто ради интереса. Но вскоре заметил, что эта странная техника придает ему нечеловеческую силу. Он занимался каждый день, чтобы иметь возможность помогать матери, не зная, что практикует тайное искусство. В его сердце жило лишь одно желание: возвыситься и раздавить тех, кто погубил его семью.

Надежда была велика. Учителя прочили ему звание первого чиновника империи. Мать, радуясь успехам сына, наконец решилась выкопать те самые слитки, чтобы купить ему достойные одежды и книги.

Но золото, ставшее ценой жизни отца, превратилось в смертный приговор для матери.

Увидев, что Цинь Вань стал одеваться по-божески, деревенские сплетники вспомнили старую историю о десяти слитках. Эти праздные разговоры достигли ушей тех, кто не знал пощады.

Цинь Вань почувствовал, что к щеке прижалось что-то холодное. Он провел рукой по лицу и обнаружил, что оно мокрое от слез.

«Сколько лет прошло... Какой смысл вспоминать об этом теперь?»

— Господин Цинь, глава просил передать, что мы останавливаемся на отдых, — раздался почтительный голос снаружи.

— Я понял, — холодно отозвался Цинь Вань. Он на мгновение закрыл глаза, собираясь с мыслями, а затем, подобрав полы длинного халата, вышел из кареты.

Он не совершил ошибки. Ошибок не бывает. Кто бы ни встал на его пути, будь то бог или демон — он уничтожит их всех.

Даже если это будет невинный Те Сюань... это ничего не изменит.

Цинь Вань вдруг вспомнил ту дрожь, что пробежала по спине кузнеца под его ладонью. Гладкую, бронзовую кожу, тепло человеческого тела... Тот полдень казался сейчас лишь далеким, причудливым сном.

Возможно, это и вправду был всего лишь сон.

<http://bllate.org/book/17419/1662286>